

Номеровская Анна Дмитриевна

КОНЦЕПЦИИ СУБЪЕКТИВАЦИИ В РАБОТАХ М. ФУКО И ДЖ. БАТЛЕР: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД

Статья посвящена актуальной проблематике формирования гендерной идентичности в современном обществе. В этом ключе в ней рассматриваются конструктивистские концепции гендерной идентичности М. Фуко и Дж. Батлер, оказавшие заметное влияние на гендерную теорию субъекта. Автор выявляет общее и специфическое в методологических подходах Батлер и Фуко к проблематике социального производства гендера, а также перспективность их теоретического и практического применения в социогуманитарном познании.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 144-147. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 141/305

Философские науки

Статья посвящена актуальной проблематике формирования гендерной идентичности в современном обществе. В этом ключе в ней рассматриваются конструктивистские концепции гендерной идентичности М. Фуко и Дж. Батлер, оказавшие заметное влияние на гендерную теорию субъекта. Автор выявляет общее и специфическое в методологических подходах Батлер и Фуко к проблематике социального производства гендера, а также перспективность их теоретического и практического применения в социогуманитарном познании.

Ключевые слова и фразы: гетеросексуальная матрица; субъекция; субъективация; гендерная идентичность; перформативность; система «власть-знание»; производство дискурсов.

Анна Дмитриевна Номеровская

Кафедра философии

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

chin4illa@yandex.ru

**КОНЦЕПЦИИ СУБЪЕКТИВАЦИИ В РАБОТАХ М. ФУКО И ДЖ. БАТЛЕР:
ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД©**

В широком смысле «гендер» есть социальное измерение пола. В отличие от последнего, относящегося к физическим и телесным различиям между мужчиной и женщиной, понятие «гендер» затрагивает их психологические, социальные и культурные особенности. Таким образом, если пол индивида биологически детерминирован, то гендер является культурно и социально заданным [3, с. 153]. Гендер - это набор характеристик и норм, воплотившихся в бинарных оппозициях «мужское» и «женское», образах маскулинности и феминности, относящихся к некоему индивидуальному субъекту.

Гендерная идентичность есть осознание субъектом своей принадлежности к культурным определениям «мужского» и «женского» через освоение соответственно маркированных психологических черт и характеристик и взаимодействие личности и социума. Гендерная идентичность может быть рассмотрена с нескольких позиций. Во-первых, мы можем говорить о присвоении субъектом определенных форм поведения согласно его биологическому полу и последующей социализации в рамках определенного стандарта. Во-вторых, гендерная идентичность может быть представлена как свобода или процесс самоидентификации на основании существующих концептов феминности и маскулинности. В рамках философии постструктурализма и сформированного в дальнейшем постфеминистского дискурса был выделен третий взгляд на проблему гендерной идентичности, который характеризуется привлечением психоаналитических концепций З. Фрейда о формировании «Я» и философии М. Фуко, оказавшей сильное влияние на гендерную теорию субъекта. Центральной проблемой философии Фуко является проблематика тела – «проблемы сексуальности, власти, безумия, желаний, маргинальных практик и типов субъективности» [4, с. 26-27]. В своем трехтомном исследовании «История сексуальности» (1976-1984 гг.) Фуко анализирует проблему субъективации через практики сексуальности на обширном историческом материале за три века европейской культуры вплоть до современности. В отличие от традиционного культурно-исторического анализа Фуко использует генеалогический метод, который он заимствует у Ф. Ницше. Ницшевская «Генеалогия морали» является центральной среди тех работ, над которыми Фуко размышляет в своей статье «Ницше, генеалогия, история» [11, р. 139-164]. В прочтении Фуко, ницшевская генеалогия оказывается подходом, который не озабочен поиском первоисточника [5, с. 170]. Генеалогия, выступая альтернативой историческому исследованию, не предполагает наличие изначального основания, а понимает изучаемый феномен прежде всего как эффект власти. Таким образом, генеалогическая методология рассматривает социально-культурное явление как полностью сконструированное в прошлом без какого-либо начального пункта или изначальной идентичности, которые модифицировались бы во времени, и, таким образом, власть понимается не как переплавляющая оригинал, но как продуцирующая с самого начала изучаемый феномен [Там же, с. 171]. Фуко ставит задачу генеалогического анализа власти как системы регламентирующих дисциплинарных стратегий и процедур, закрепленных в различных дискурсах.

На примере исследования производства дискурсов о сексе Фуко выдвигает идею о том, что сексуальность функционально вписана в сложную игру «множественных и подвижных» [6, с. 199] отношений власти и механизмов насилия, формирующих структуру субъективности. При этом понятие дискурса определяется Фуко как практика языкового употребления в отличие от традиционного понимания дискурса как знания, а под насилием понимается политический механизм принуждения. «Дискурс... это не сознание, облекающее свой замысел во внешнюю форму речи; это не язык, и тем более не говорящий на нем субъект» [8, с. 311]. Таким образом, все многообразие практик «заботы об истине» в отношении дискурса о сексе - будь то исследование, запрещение, медицинская каталогизация или умалчивание, - явились политически ангажированными. Если сексуальность и конституировалась в качестве области познания, подчеркивает Фуко, то это произошло именно «исходя

из отношений власти, которые ее и установили в качестве возможного объекта; и, наоборот, если власть смогла сделать сексуальность своей мишенью, то это потому, что техники знания и дискурсивные процедуры оказались способными сделать в эту сексуальность вклады» [6, с. 199]. Следуя принципам постструктурализма, Фуко абстрагируется от понимания власти как централизованного политического института, абсолютизирующего свое влияние повсеместно. Власть обладает универсальной способностью встраиваться в любую структуру и, будучи ей имманентной, формировать внутри этой структуры такие отношения и дискурсы, которые бы позволяли максимально осуществлять свое влияние методами регуляции, закона и категорией нормативности. История сексуальности в этом ключе, а именно история дискурса о сексуальности, являет собой картину «возведения природного свойства» в категорию знания, что есть конституирование субъекта «благодаря тем тактикам власти, которые имманентны этому дискурсу» [Там же, с. 171]. В этом аспекте Фуко отмечает в своей «Истории сексуальности», что общество, которое складывается в XVIII веке, – как его ни называть: буржуазным, капиталистическим, индустриальным, – «не только не противопоставило сексу фундаментальный отказ его признавать, но, напротив, пустило в ход целый арсенал инструментов, чтобы производить о нем истинные дискурсы» [Там же, с. 170]. Оно не только много говорило о сексе и принуждало к этому каждого, но предприняло попытку сформулировать о нем регулярную истину. Отныне удовольствие состояло в удовольствии знания об удовольствии – знания, обнажающего сексуальность и кричащего о ней во всех деталях и подробностях во имя науки и процветания общества. Наша цивилизация, подчеркивает Фуко, для того, чтобы говорить истину о сексе, развернула на протяжении столетий процедуры, упорядоченные главным образом особой формой власти-знания [Там же, с. 156]. Признание истины, как и многие другие практики производства знания, «вписалось в самое сердце процедур индивидуализации, осуществляемых властью» [Там же, с. 157]. Знакомые нашей культуре ритуалы – исповедь, которая ниспровергает сексуальные удовольствия, лишь доведя их до предельной детализации (при этом раскаяние должно быть полным, а утаивание есть грех – так предписывают ранние техники исповеди, регламентированные Латеранским собором в 1215 г.), а также ученые процедуры наблюдения и демонстрации, анатомические театры, новые техники допроса, дознания, «отход обвинительных процедур в уголовное правосудие» [Там же, с. 156-157], суды инквизиции. Таким образом, признание стало на Западе одной из наиболее высоко ценимых техник для производства истинного знания. Оно распространило свои эффекты не только в правосудие, медицину, педагогику и религию, но и в семейные отношения, любовные связи, в самую обыденную жизнь и в самые торжественные ритуалы [Там же, с. 157]. Человек стал отныне животным признающимся. Но признание при этом не было его имманентным, естественным стремлением, человек вынуждался к нему. Фуко называет пытку и исповедь черными близнецами средневековья. С этого времени, некая интенция к глубокой саморефлексии соединяется с потребностью высказать истину, которая не может быть сокрыта. Признание перестает быть принудительным действием власти, точнее уже не воспринимается как таковое, но как инструмент обретения внутренней свободы. Оставаясь прочно смонтированным в практику покаяния как единственного источника истинного дискурса о сексе, признание трансформировалось и расширило границы своего функционирования. Допросы, консультации, автобиографические рассказы, письма, – обширный архив сексуальных удовольствий, уничтожаемый долгое время под печатью молчаливых уст исповедника, начал создаваться заново медициной, психиатрией и педагогикой [Там же, с. 163]. Так, вымогательство истины велось двумя путями – сначала посредством исповеди – религиозного признания, а затем уже в XIX веке посредством участия в научном дискурсе. Этот век высокой нравственности и пуританства производил больше научных дискурсов о сексе, чем принято думать, благодаря схемам вымогательства признания, возведенным в степень научной регулярности. Так, сексуальность стала предметом герменевтики, где субъект и истина-признание, им высказываемая, всегда нуждается в особой интерпретации со стороны принимающей инстанции, которая только и может извлечь ее из признания. При этом истина, способная излечить и протянуть невидимые связи между, казалось бы, несвязанными вещами, сокрыта не только от всех, но и для самого субъекта [Там же, с. 165-168]. Это нашло выражение в общепринятой практике, принятой в XIX веке, когда постулировалась сексуальная этиология всех психических расстройств и физических болезней. Признание Фуко определяет как тот инструмент власти-знания, который позволил вписать в процесс самоопределения субъекта не только процедуру самого признания, но и процедуру толкования, которая в конечном итоге имеет интенцию к конституированию субъекта посредством его герменевтики. Именно эта интенция объединила вопрос о сексе и проект науки о субъекте. Согласно Фуко, «причинность, действующая внутри субъекта, бессознательное субъекта, истина о субъекте у другого, который знает, знание у субъекта о том, чего он не знает сам, – все это нашло возможность развернуться в дискурсе о сексе» [Там же, с. 171]. Безмерный труд, к которому Запад приучил поколения, был направлен на то, чтобы производить, тогда как другие формы работы обеспечивали накопление капитала, подчинение людей, конструирование их в качестве «субъектов», причем в двух смыслах этого слова [Там же, с. 159-160]. Дело в том, что французское слово «sujet» это не только философская категория, но и политическая. Латинское «subjectus», от которого оно произошло, имеет двойной смысл и означает «подлежащее», «подчиненное» и «субъект», «лицо». Именно эта амбивалентность подчеркивается в основной категории, используемой в методологии Фуко, – «субъективации». «Assujettir» (буквально «подчинять») означает как процесс конституирования субъекта, так и наличие внутренних механизмов, осуществляющих это подчинение [Там же, с. 366].

Так, согласно Фуко, долгое время идентичность индивида производилась через отношение с другими и через обретение им статуса этих отношений и связей с другими (семья, вассальная зависимость, покровительство), затем идентичность стала устанавливаться через истинный дискурс, который индивид был способен или обязан произносить о себе самом. Производство истины, которое целиком пронизано отношениями

власти, стало занимать центральное место в процедурах индивидуализации [Там же, с. 157-159]. Именно отношения власти, по мнению Фуко, должны подвергаться анализу, так как власть может быть понята только как пучок отношений, согласованный, организованный и иерархичный в той или иной степени, обладающий способностью независимо от локализации и предметной области применения к успешному воздействию на индивидов [4, с. 34]. Власть производится каждое мгновение и исходит отовсюду, при этом она всегда анонимна и производит подчинение субъекта необозримо для него самого, так как он уже вписан в эти отношения власти. «Анализ механизмов субъективации как властных практик производства субъективности оказал огромное влияние сначала на феминистскую, а затем и на гендерную теорию субъекта» [Там же, с. 34-35], сформировав дискурс о гендерном механизме подчинения.

Если мы говорим о социальном конструировании гендерной идентичности, то, прежде всего, имеем в виду ту дискурсивную практику, которая определяет данный концепт как производную репрессивного механизма субъективации, сформулированного теоретиками постфеминизма. В 90-е гг. XX в. в философии появился новый подход к проблеме субъективности – гендерная теория. Таким образом, гендерная характеристика была обозначена как основная в обретении субъектом идентичности, то есть в процессе субъективации. Таким образом, осуществился переход от классической модели субъективности к дискурсивно созданному субъекту, децентрированному, перформативному. В отличие от классического, целостного понимания субъекта в постфеминистском дискурсе субъект рассматривается как сконструированный, множественный, фрагментарный и противоречивый [Там же, с. 238].

Опираясь на генеалогический метод Фуко и его теорию власти, яркий представитель постфеминизма Дж. Батлер вводит в современный философский дискурс понятие перформативной субъективности. Таким образом, тело, вместо того, чтобы быть «естественной» категорией, всегда обнаруживает себя как сконструированное тем или иным дискурсом, будь то дискурс науки, сексуальности или гендеризированной культуры, и никогда не остается просто телом [5, с. 178]. В своей трактовке идентичности Батлер опирается на понятие перформативности, представленное в философии Дж. Остина и Ж. Лакана в свете теории речевых актов. Дж. Л. Остин в своей работе «Как словами делать вещи» (1962 г.) показывает, что некоторые высказывания не являются описаниями реальности, а являются актами, с помощью которых производятся те или иные действия. Однако эти перформативные предложения могут быть успешными только при наличии соответствующих условий и института, «который делает эти выражения действительными» [Там же, с. 178-179]. А институт в свою очередь конституируется путем постоянного повторения действий.

Следуя логике перформативной субъективности, отвергается существование додискурсивного «Я», а формирование субъекта рассматривается как процесс обретения иллюзорной идентичности, понимаемой им как «истинной» внутренней сущности. Идентичность в данном случае понимается не как сущность вообще, а как процесс. «Структура идентичности основана на негативности: ведущим контекстом понятия идентичности является “основывающая негативность идентичности”» [4, с. 253]. Батлер указывает не только на отсутствие априорно имманентных сущностей субъекта, но и специфически гендерных – «мужских» и «женских» – сущностей, отходя от феминистской концепции. Так, постфеминизм подвергает критике само существование категорий «мужчина» и «женщина». Если патриархат можно рассматривать как специфическую конфигурацию властных отношений, которая не является неизбежной и универсальной, то этот же принцип деконструкции понятия может быть применен и к базовым категориям «мужчины» и «женщины», на которых и строится господство патриархата, где пол воспринимается как аналитическая категория, как начало отсчета теоретического исследования дифференциального отношения между властью и телами [Там же, с. 250]. И даже если предположить наличие этих двух концептов, то тогда, нужно воспринимать процесс обретения идентичности субъектом как насильственный и необратимый акт присваивания гендерной идентификации, насаждаемый регулятивным аппаратом власти посредством механизма гетеросексуальности, то есть, определяя гендерное тело, пол субъекта и их материальные эффекты. Подвергая критике феминистские политики идентичности, Батлер утверждает, что существующие гендерные сценарии есть продукт перформансов культурно санкционированных гендерных норм и стереотипов власти. Таким образом, перформативность пола – это цитатность закона власти, формирующего гендерно-маркированные тела и их сексуальность [Там же, с. 260]. При этом, гендерная перформативность может пониматься в рамках категорий «цитатности» властных практик «сексуальных режимов» и «историцизма» как производства штампов норм социального закона в отношении пола на конкретном историческом этапе. Функционирование режима власти также не предполагает конструкцию перформативного субъекта как акт свободного выбора. Однако свобода есть необходимое условие функционирования власти. Свобода и власть нужны друг другу, и отношения эти не антагонизм, а агонизм (от *agonia* – состязание), в самом сердце власти свобода бросает ей вызов [9, с. 183].

Если принять мысль о том, что гендер – это социальный конструкт, – пишет Батлер, – это совсем не значит признать, что он сконструирован неким «я» или «мы», которые как бы предшествуют конструкции или следуют из нее: напротив, «я» возникает только как эффект внутри действия матрицы гендерных отношений власти и процесса «гендеризации» [4, с. 254]. Гендерной идентичности также не существует там, где гендер выражен; сама идентичность перформативно сконструирована этими самими «выражениями», которые, как считается, являются результатами гендерной идентичности. В этом смысле идентичность не есть, а совершается, но не субъектом, а как перформативный акт [10, р. 25].

Таким образом, из анализа концепций Фуко и Батлер можно сделать следующие выводы. В обеих концепциях в процессе субъективации власть является центральной категорией, которая не только регулирует, но и порождает сам субъект, изначально задавая императивы его идентичности. Дополняя концепцию Фуко

психоанализом, Батлер развивает новый постфукианский подход к проблеме власти и проблеме субъективности, выраженный в теории субъекции.

Субъект, который желает быть угнетаемым властью, производимый ею и несущий в себе зерно этого желания, - идея не новая для философии, но в рамках философии постфеминизма она получила гендерную специфичность. Под этим углом зрения вся проблема гендерной идентичности предстает в ином свете. Субъект также рассматривается как формирующийся и субординируемый одновременно, где «субъекция – это парадоксальный эффект режима власти, в котором сами “условия существования”, возможность продолжения социально признаваемого бытия требуют формирования и поддержания субъекта в субординации» [1, с. 35]. Но для Батлер чрезвычайно важным было не только то, что формирование субъекта есть производное процесса подчинения («субъективации», по Фуко), но факт имплицации в этом процессе внутренних механизмов субординации, реализующихся в психологических, интимных переживаниях индивида, которые в свою очередь являются формой участия субъекта в субординации.

Батлер вводит несколько новых понятий для иллюстрации своего метода. Так, в системе психики власти работает понятие пассионарной привязанности, которая является имманентной субъекту и является условием формирования субъекта. Вопрос о том, может ли перформативная теория гендерной субъективности исключить привязанность к подчинению из структуры субъекта, ставится в рамках проблемы «отторгнутой идентификации» [Там же, с. 112] или гендерной «дисидентификации». В отличие от Фуко, Батлер делает акцент на процессуальном перформативном механизме субъективации. Согласно Батлер, сам субъект представляет собой зону амбивалентности в том смысле, что он возникает всегда как эффект предшествующей ему власти и вместе с тем находится в свободной зоне своего собственного производства и не может быть редуцирован к полностью сконструированному механизмам власти.

Данный подход полностью обязан своему распространению формулировке проблемы субъективации, предпринятой Фуко в своих работах «Две лекции» [12, р. 78-108], «История сексуальности» [6] и «Надзирать и наказывать» [7]. При этом ни Фуко, ни Батлер не мыслят субъект как заключенный в своем самоопределении, в бесконечном круге отрицательной диалектики. Практики сопротивления возможны и проявляют себя на различных уровнях. Хотя само сопротивление и происходит, как было сказано, благодаря работе власти, оно ей не обусловлено полностью.

Нами были рассмотрены концепция субъективации М. Фуко и теория субъекции Дж. Батлер, где проблема конституирования субъекта дополняется введением регуляторного механизма психики. В ходе предложенных рассуждений были выявлены теоретические, а также практические перспективы такого подхода, позволяющие не только открыть новые уровни рассмотрения субъекта, но и произвести историко-культурный анализ на основании выработанной Батлер методологии для последующего решения практических задач философии и социальных наук.

Список литературы

1. Батлер Дж. Психика власти. СПб., 2002.
2. Брандт Г. А. Философская антропология феминизма. Екатеринбург, 2004.
3. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
4. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб., 2007.
5. Пулькинен Т. О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция. СПб., 1999. 255 с.
6. Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности // Фуко М. Воля к истине: по сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. Т. 1.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
8. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
9. Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2006. Т. 3.
10. Butler J. Gender Trouble. N. Y. – L., 1990.
11. Foucault M. Nietzsche, Genealogy, History // Foucault M. Language, Counter-Memory, Practice: selected essays and interviews / ed. by D. F. Bouchard. Ithaca: Cornell University Press, 1988.
12. Foucault M. Two Lectures // Foucault M. Power/Knowledge: selected interviews and other writings, 1972-77. N. Y.: Pantheon, 1980.

SUBJECTIVATION CONCEPTIONS IN M. FOUCAULT AND J. BUTLER'S WORKS: GENDER APPROACH

Anna Dmitrievna Nomerovskaya
Department of Philosophy
St. Petersburg State University of Economics and Finance
chin4illa@yandex.ru

The author considers the topical problematic of gender identity formation in the contemporary society, in this vein describes M. Foucault and J. Butler's constructivist conceptions of gender identity, which had a significant influence on the gender theory of a subject, and reveals general and specific in Butler and Foucault's methodological approaches to the problematic of the social production of gender, as well as the availability of their theoretical and practical application in social-classical cognition.

Key words and phrases: heterosexual matrix; subjection; subjectivation; gender identity; performativity; power-knowledge system; production of discourses.